

2011/4 (6)

УДК 069.091(470)(049.32)

Содержание

Поляков Т.П.

Теоретическая культурология

Румянцев О. К.

Быть или понимать (Часть 1)

Кондаков И. В.

Российская культурология как феномен отечественной культуры

Ойттинен В.

Теория культуры Вадима Межуева: проблемы и перспективы марксистского подхода

Кириллова Н. Б.

От медиакультуры к медиалогии

Историческая культурология

Иконникова С. Н.

Биография как социокультурное измерение истории

Злотникова Т. С.

Миф о Вахтангове как культурфилософский парадокс

Прикладная культурология

Григорьев А. А.

Размышление о возможности выделения культурологии в отдельный раздел университетского образования

Рылева А. Н.

О программах «Школы культуролога» через призму процесса гуманитаризации и в связи с идеей непрерывного образования

Зеленцова Е. В.

Мельвиль Е. Х.

Развитие творческих индустрий в России: проблемы и перспективы

«Очень своевременная книга...»

(Музееведческая мысль в России XVIII–XX вв. : сб. документов и материалов / отв. ред. Э.А.Шулепова. М.: Этерна, 2010. 960 с.: ил.)

Эту книгу ждали давно. Ждали преподаватели, ждали студенты и аспиранты. Не знаю, как другие коллеги, но я в начале каждого своего курса по музейно-экспозиционному проектированию набивал портфель дюжиной монографий и сборников разного формата, приносил на лекции и показывал или давал поддержать их своим ученикам. В основном это были старые книжки, взятые в нашей библиотеке или купленные в букинистических магазинах. Чаще всего – в магазине у памятника Первопечатнику.

Помню, как увидел на прилавке уникальную книгу Ф. И. Шмита «Музейное дело: основы экспозиции», изданную «Академией» еще в 1929 г. Руки дрожали. Мне говорили, что Шмит считался хулиганом от музееведения, за что и пострадал при Сталине. Помню, открыл в середине и прочитал о мемориальных музеях парадоксальную «мысль»: «То, с чем больше всего надо бороться в таких музеях, это мещанская установка на “как жил и работал”». Именно Шмит, назвав экспозицию о судьбе императорской семьи Романовых «повестью о том, как...», подсказал мне, что в мемориальном пространстве можно создавать драматические произведения музейного искусства. Причем, не выдумывать их, а «выращивать», учитывая все обстоятельства времени и места. «Если экспозиционер начнет насиловать материал, – подчеркивал опальный искусствовед, – он начнет сочинять диаграммы, схемы, таблицы, подсказывающие плакаты – и посетитель сбежит с экспозиции».

Удивительная вещь. Почти ровно через год, на том же прилавке я увидел и тут же купил тоненькую книжечку Н. И. Романова «Местные музеи и как их устраивать», изданную в 1919 г. Профессор из Румянцевского музея, несмотря на политическое и нравственное лихолетье, рассуждал о двух видах музейного хранения: о физическом и духовном хранении. Первое – понятно. А второе? Что он имел в виду? Оказывается, под «духовным хранением» он понимал создание в музейном пространстве некой «среды», способствующей раскрытию «внутренней сущности и значения каждого предмета, представляющего плод художественного творчества». Это был первый и последний удачный синоним, применимый к понятию «экспозиция», редко употребляемому в те годы. После Романова никто не смог выразить данную «мысль» так просто и убедительно. И, наконец,

Гуманитарные исследования

Луков Вал. А.,

Луков Вл. А.

Зигмунд Фрейд: жизненность идей

Mediated action: между разумом и культурой : интервью с профессором Джеймсом Верчем

Малая культурологическая энциклопедия

Закс Л. А.

Культурфилософская вселенная М.М.Кагана: основания, территории, границы. К 90-летию выдающегося философа (Часть 2)

Рецензии

Поляков Т. П.

«Очень своевременная книга...» (Музееведческая мысль в России XVIII–XX вв. : сб. документов и материалов / отв. ред. Э. А. Шулепова. М.: Этерна, 2010. 960 с.: ил.)

Научная жизнь

Кинофестиваль

«Дни этнографического кино» (25 сентября – 2 октября 2010 г., Москва)

Роль музеев в формировании исторического сознания (обзор международной конференции)

главное. Именно Романов впервые посягнул на исключительную «научность» музейной экспозиции, противопоставив ей «художественную систему» размещения экспонатов. Альтернативная задача состояла в том, чтобы «воспроизвести возможно ярче жизнь в ее художественной целостности». Прошло почти сто лет, но до сих пор эта гениальная «музееведческая мысль» вызывает раздражение у многих моих коллег.

Вы будете смеяться, но свой третий музейно-исторический раритет я приобрел в том же магазине, правда, уже в горбачевские времена. Приобрел, что называется, с рук. У дверей стоял обычный «ханьга-синяк» и предлагал какую-то истерзанную книжку, всю покрытую фиолетовыми печатями в стиле «проверено» или «запрещено». Я пригляделся к титулу. Бог ты мой, «Материалы Первого всероссийского музейного съезда». Первый том... Только ленивый не ругал в годы нашей «демократии» активных участников этого съезда, состоявшегося злой осенью 1930 г. Ругали их за «диалектический материализм» и стремление разрушить классический музей, за большевистскую ненависть к «старому режиму» и попытку навязать музею не свойственные ему «политпросветовские» функции. И еще за многое другое. Порой ругали справедливо. Но никто почему-то не заметил, что, например, в докладе И. К. Луппола впервые в мире была определена специфика «музейного языка». Или, например, в докладе Ю. К. Милонова так же впервые была высказана идея создания «грамматики и синтаксиса» этого уникального, предметно-образного языка. Обратите внимание. Сия «музееведческая мысль» прозвучала за полвека (!) до авторов модного сегодня понятия «музейная коммуникация».

В общем, когда летом 2011 г. я обнаружил на столе у Э. А. Шулеповой толстенный том с названием «Музееведческая мысль в России...», собирающий под одной обложкой несколько десятков музейных теоретиков и практиков типа Романова, Шмита и Милонова, то чуть не расплакался. Книжка-то была пока в единственном экземпляре. Я выпросил ее «на два дня», начал листать и увидел, что ответственный редактор поступил весьма рискованно, но умно. Обратите внимание: том состоит из двух, не равноценных по формату частей. В первой, большой части представлены отрывки из сочинений или докладов музейных деятелей. Во второй, малой части опубликованы «нормативные и правовые» акты и законы по вопросам сохранения историко-культурного наследия нашей страны, начиная с петровских времен. Впервые в таком объеме и в одном месте!

Откроем вторую часть. От «Указа Петра I Монастырскому приказу о постройке на месте Полтавской битвы монастыря и каменной пирамиды в честь победы над шведами от 11–13 июля 1709 г.» до «Положения о государственном каталоге Музейного фонда Российской Федерации», утвержденного 12 февраля 1998 г., всего около двух сотен страниц. И около трех сотен лет. Листая годы-страницы, поражаешься кропотливой работе, проведенной страной, ее правительством и государственными чиновниками в процессе составления этих важнейших документов. Точнее, как отмечает Э. А. Шулепова, в процессе поиска «оптимальных путей сохранения и трансляции наследия России на различных исторических этапах». И, конечно же, в этой части сборника поражает профессиональная работа ответственного редактора, сумевшего добиться от коллектива составителей объективного подхода к отбору исторических документов и соблюдения всех правил их издания.

Далее я начал листать первую часть сборника «музееведческой мысли». Что приятно удивило? Практически каждый фрагмент этой «мысли» сопровождается информационно-биографической справкой, и, самое главное, портретом конкретного музейного деятеля. Парадокс, но мы не знаем в лицо

своих героев. Студент или аспирант быть может впервые в жизни увидит изображение Ю. И. Кологривова, приобретшего для России в начале XVIII в. несколько десятков бесценных памятников античности. В частности – скульптуру Венеры Книдской, известную у нас как «Венера Таврическая». В следующем разделе (1800–1880-е гг.) привлекает внимание ироническая улыбка Ф. П. Аделунга, предложившего в 1817 г. проект грандиозного «Русского Национального Музея», превосходившего по масштабам европейские аналоги. Если сегодня собрать и представить воедино коллекции ведущих российских музеев, то и тогда вряд ли можно будет реализовать великую аделунговскую «мысль». Пошли листать дальше. На 230-ой странице опубликован портрет прелестнейшей и умнейшей З. Н. Волконской. Именно эта очаровательная женщина сочинила в 1831 г. «Проект эстетического музея при Императорском Московском университете». Как известно, ее проект учебного музея, строящегося на копиях и слепках, призванных «в миниатюре представить все сокровища искусства и древностей», был реализован И. В. Цветаевым в 1912 г. Кстати, его портрет и статью «К истории созидания музея», где выражалась благодарность московско-римской княгине, можно увидеть на 365-ой странице.

Особое внимание в третьем разделе (1890–1920-е гг.) привлекают два сверх теоретика начала XX века. Первый из них – Н. Ф. Федоров с его гениально-парадоксальным определением музея, являющегося, оказывается, отнюдь не собранием вещей, а «собором лиц». Второй, несомненно, – П. А. Флоренский, высказавший, по меньшей мере, две не менее гениальных и актуальных музейных «мысли». Во-первых, в статье «Храмовое действо как синтез искусств» он призывал к отказу от культуртрегерского коллекционирования и экспонирования икон или других церковных памятников. Для него они – органические части единого «храмового действия» или «живого музея». Во-вторых, в статье «Троице-Сергиева Лавра и Россия» он предложил отказаться от сплошной музеефикации монастыря и воплотить идею «живого музея» в процессе создания «русских Афин» или «столицы русской культуры». Именно здесь, по его мнению, необходим и возможен творческий союз музея и церкви.

Листаю дальше, пытаюсь добраться до моих любимых авторов – Шмита, Романова, Милонова... Что такое? Опубликованные отрывки из монографии Ф. И. Шмита – совсем на другую, более спокойную, «краеведческую» тему. Книга Н. И. Романова «Местные музеи...» вообще не представлена, даже в отрывках. Вместо нее – сухие тезисы из его доклада на Первой Всероссийской конференции 1919 г. Кроме того, отсутствует статья, точнее – блестящий доклад Ю. К. Милонова, сделанный на Первом всероссийском музейном съезде. Могли напечатать хотя бы отрывок о «грамматике и синтаксисе» музейного языка. Обидно.

С другой стороны, я прекрасно понимаю, что рецензируемая книга – толстая, но не резиновая. И что отбор авторов и фрагментов «музееведческой мысли» – дело весьма субъективное, целиком и полностью зависящее от вкусов и пристрастий коллектива составителей. Что ж. Придется и дальше мне носить на лекции библиографические редкости. Правда, в меньшем количестве.

И еще дно замечание. В пятом разделе (1960–1980-е гг.) опубликована статья моего учителя, великого проектировщика Е. А. Розенблюма «Музей и художник», написанная в 1967 г. В ней выражена принципиальная позиция музейного Художника, выступающего не в роли оформителя чьих-то идей, а в качестве полноценного соавтора, воссоздающего время, образные связи между вещами и придающего им «современное толкование». Все так. Вот только портрет – не его. Я

имею в виду фотографию. Вместо нашего Евгения Абрамовича – какой-то «мужик в пиджаке».

Решил я это дело проверить. Подошел к моему товарищу, оппоненту и вечному сопернику, а по совместительству – родственнику Розенблюма. Показал книгу и фото. Родственник скривился и сказал: «Это – не Розенблюм». «И вообще, – добавил он, – мы-то с тобой есть в этом сборнике?» Я ничего не ответил, отошел, закурил и подумал: «Слава Богу, пока нет. Ведь все эти музейные “мысли”, дорогой Володя, принадлежат хоть и гениям, но, увы, покойным. У нас же с тобой – вся жизнь впереди...»

© Поляков Т. П., 2011

Статья поступила в редакцию 7 декабря 2011 г.

Поляков Тарас Пантелеймонович,

кандидат исторических наук,
профессор Академии переподготовки
работников искусства, культуры и туризма (Москва)
e-mail: polyakov_t@mail.ru

UDC 069.091(470)(049.32)

Polyakov T.

“The Very Timely Book...”

**Review of the Published Documentary Collection
on the History of Russian Museology**

(Музееведческая мысль в России XVIII–XX вв. : сб. документов
и материалов / отв. ред. Э. А. Шулепова. М.: Этерна, 2010. 960 с.: ил.)

Précis. The book under review was prepared in the Russian Institute for Cultural Research and presents a collection of materials and documents issued in Russia beginning from the 18th to the 20th century. The author discusses the general availability of documents and publications on the museum theory and history and recalls the renowned authors and important publications, which could be also included in the book.

Keywords: museology, museum theory in Russia, Russian museum history

Polyakov Taras Panteleimonovich,

PhD in History,
Assistant Professor of the Museology Department
of the Arts History Faculty,
Russian State University for the Humanities (Moscow),
e-mail: polyakov_t@mail.ru